

Шевцов Константин Павлович

ПАМЯТЬ КАК ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ФИЛОСОФИИ

В статье ставится вопрос о возможности философского анализа памяти. Поскольку мысль о прошлом как объекте припоминания не удовлетворяет критериям строгости философского исследования, память может быть осмыслена именно как определенный парадокс философского языка, определяющий как границы его применения, так и возможность сохранения внутренней строгости его предметного поля и методов исследования. Проблема памяти в этом смысле должна ставиться как вопрос о самой значимости прошлого, о значимости сохранения забытого и возвращения утраченного.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 208-211. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Философские науки

В статье ставится вопрос о возможности философского анализа памяти. Поскольку мысль о прошлом как объекте припоминания не удовлетворяет критериям строгости философского исследования, память может быть осмыслена именно как определенный парадокс философского языка, определяющий как границы его применения, так и возможность сохранения внутренней строгости его предметного поля и методов исследования. Проблема памяти в этом смысле должна ставиться как вопрос о самой значимости прошлого, о значимости сохранения забытого и возвращения утраченного.

Ключевые слова и фразы: память; прошлое; утрата; сохранение; граница настоящего; парадокс; язык философии.

Шевцов Константин Павлович, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
shvkst@gmail.com

ПАМЯТЬ КАК ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ФИЛОСОФИИ©

Проблема памяти в философии представляется вполне традиционной и вместе с тем маргинальной, поскольку обращение к *прошлому* никогда не удовлетворяет требованиям мыслить то, что *есть*, опираться на *ясность* сознания или держаться *непосредственности* чувственного опыта. При этом мало кому из философов удавалось избежать вопроса о памяти, что можно считать свидетельством неслучайности и даже системной значимости концепта памяти для языка философии. В памяти *хранится* все, что значимо для нас – в качестве ли переживания, знания, совершенного действия, плана на будущее или же недавнего воспоминания о каком-то событии, мысли или чувстве, однако сама попытка представить память в качестве *механизма сохранения*, или некоего *хранилища прошлого*, ставит нас перед неразрешимой методологической трудностью, ибо помимо памяти нет никаких иных *критериев* и *гарантий* верности всего сохраненного.

Память в смысле простого сохранения и воспроизведения известного представляется каким-то странным удвоением знания, равным ему или даже превышающим его по объему, как будто отраженным в тусклом зеркале, которое возвращает обесцвеченный и неясный призрак, часто неопределенный, распавшийся на множество новых отражений, обманчивый или откровенно ложный. И чем большую ценность мы признаем за сохранением знания в памяти, тем чаще вынуждены отмечать слабость памяти, ее приверженность потере, которая оказывается лишь обратной стороной хранения, его неустранимым условием. Можно сказать, что мы храним и наделяем столь важным значением сохранение прошлого в памяти именно потому, что изначально его теряем, и если удерживаем, то не иначе, как на границе *утраты*. Вот почему даже те философы, что предпочитали видеть в памяти не более чем сохранение следов ушедшего, признавали в конечном итоге принадлежащее ей производство значимостей и при всем скептицизме в отношении памяти вынуждены были признавать ее внутреннюю достоверность; об этой самоочевидности свидетельств памяти говорят, например, Декарт [3, с. 449] и Лейбниц [5, с. 239], а Локк и вовсе признает в ней свидетельство «благости Бога» [6, с. 391].

Поскольку припоминание требует усилия, решение любой задачи, связанной с прошлым, будь то сохранение образа, повторение слова, рассказ о событии, навык действия или операция с абстрактными объектами, происходит как овладение *техникой* памяти, усвоение и создание особых приемов *искусства* припоминания, которое не только сохраняет и воспроизводит прошлое в настоящем, но и изменяет *границы настоящего*, их протяженность и проницаемость, своеобразную архитектуру или стиль сочетания образующих эти границы предметов, событий и пространств¹. И хотя это искусство компенсирует недостатки природной памяти, оно служит еще одним указанием на то, что сохранение известного является не исходной формой, а скорее одним из *эффектов* работы памяти, теряющей и возмещающей, создающей новые возможности и новые значения, без которых было бы невозможно ничего сказать об успехе либо неудаче сохранения прошлого.

В действии того, что мы называем своей памятью, не всегда важна отсылка к прошлому. Вспомнить слово или название, номер или какой-то ориентир – такова привычная деятельность памяти, и лишь в том случае, когда нечто оказалось *забыто*, мы замечаем, что все время полагались на память, не думая о том, каким образом в памяти сохранялось и присутствовало прошлое. Воспоминание *прошлого* – лишь одно из множества проявлений памяти, и, однако, связь с прошлым представляется существенным моментом для определения памяти, но не потому, что эта связь должна иметь особое выражение, явный знак, а потому, что *отношение* к прошлому, выраженное или нет, является для нас способом *определения настоящего*, тем, что очерчивает его границы и задает меру его реальности, его присутствия и завершения, становления прошлым. Можно считать тривиальным утверждение, что мы воспринимаем настоящее в ореоле только что или давно прошедшего, также и действие в настоящем невозможно без связи с предшествующим, без включенности в последовательность восприятий и действий, в цепь ассоциаций или порядок слов. И даже в том случае, когда мы не помним прошлое, а еще только запоминаем нечто на будущее, мы воспринимаем само настоящее как *прошлое для будущего*, включаем его в порядок смены времен, определяя его в качестве настоящего посредством избыточной для него границы прошлого.

© Шевцов К. П., 2015

¹ О роли искусства и техники памяти в истории европейской науки см.: [4; 10; 14].

Иначе говоря, прошлое, с которым нас связывает память, это не только следы ушедшего, которые мы удерживаем на границах настоящего, но и свидетельство того, что *происходит* в самом настоящем и с самим настоящим, некая чрезмерность, *избыточность* настоящего, для которой нет иного способа *восприятия*, кроме *памяти*, иной формы удержания, кроме как удержания в качестве прошедшего и утраченного. И лишь такая чрезмерность может быть определением настоящего, потому что задает меру и ему *самому*, и его *иному* – не схватываемому в настоящем, но проходящему через него, еще *не данному* в нем, но уже им *упущенному*. Собственно, эта избыточность и есть предмет самой известной и вместе с тем самой древней философской концепции памяти, а именно платоновского учения о припоминании. Не касаясь специфических вопросов, связанных с этим учением, ограничимся его бытовым вариантом, например ситуацией, в которой незнакомый человек обращает на себя особое внимание, кажется встреченным впервые, пока не выясняется, что прежде он уже был известен, но забыт, никак не отмечен прошлым, за исключением лишь того, что его присутствие в настоящем выделено и избыточно, не просто есть, но захватывает и приковывает к себе, как будто самим забытым в нем прошлым *предоставлено место* для нашего внимания и ориентации в настоящем, для понимания самого настоящего как *места встречи* с тем, что присутствует, что действительно есть.

Чтобы поставить вопрос о возможности философского исследования памяти, необходимо отвлечься от простого представления о памяти как «способности», «механизме», «структуре», некой особой «вещи», в функции которой входят сохранение и воспроизведение знания, усвоенного в прошлом, как будто уже известно, что представляет собой это «прошлое», какова его значимость и как связана значимость «прошлого» с тем, *что* сохраняется как полезный навык, знание или искусный прием. Вместо этого мы предлагаем говорить о *прошлом* как о том, что позволяет определиться протекающему как *настоящему*, с принадлежащей ему мерой реального, живого, непосредственного, которая никогда не уместается в чувственном восприятии или в акте сознания, но не утрачивается полностью, а удерживается во множестве различных форм, в их плотном сплетении, которое мы обычно и называем своей *памятью*, или же, отдавая должное разнообразию этих форм, говорим о припоминании, узнавании, ассоциации, привычке, забывании, повторении, о том, что крутится на языке, всплывает, действует как будто само по себе, длится, не отпускает и т.п.

Можно сказать, что для философа память представляет собой достаточно широкое *проблемное* поле, и в этом отношении стоит видеть принципиальное отличие философского исследования от тех подходов к изучению памяти, которые разрабатываются в педагогике, риторике, психологии или нейрофизиологии. Широта этого поля определяется фундаментальным для философии вопросом о *бытии*, что означает здесь – вопросом о границе настоящего и прошлого, *присутствующего* и *утраченного*. В этом смысле главным для философского исследования памяти должен стать вопрос: *как возможен вообще философский анализ* памяти, а точнее – *что* представляет собой память как особый «объект» для языка философии? Оставляя без внимания вопрос о *прошлом*, как и возможность определения *настоящего* из прошлого, мы теряем из виду историю, в которой память выполняет роль не только фиксации изменений или сохранения преемственности, но и сама изменяется, приспосабливаясь к новым формам распоряжения временем и пространством, способам производства и передачи знаний, принципам организации общественной жизни, практикам коммуникации или заботы о себе¹. Очевидно, что подобные изменения в большей мере должны интересовать историков и социологов, культурологов, искусствоведов и медиафилософов, и действительно проблема памяти здесь давно находится в центре внимания, причем не трудно заметить существенную близость многих из предложенных подходов с теми задачами, которые ставит перед собой философский анализ памяти. Все это ведет нас к необходимости ставить вопрос о памяти в ее истории, то есть в истории философской постановки проблемы и концептуализации памяти, истории преемственности концепций и разрывов в традиции истолкования. Однако здесь же мы находим и существенное отличие философской постановки проблемы от собственно исторической, поскольку с первых опытов размышления о памяти и вплоть до современных исследований память предстает для философа не как данность определенных практик, техник, навыков, стилистических условностей и пр., а как вызов и *парадокс*, как мера того, что может быть сказано о бытии и истине лишь при встрече с неизбежностью рассеяния и растворения бытия в множественности и отсутствии, истины – в мнимости и обмане.

Чтобы пояснить суть такого подхода, напомним, что впервые память предстает философской проблемой в контексте эпистемологических парадоксов познания в диалогах Платона. Два софистических парадокса,

¹ В прекрасной книге по истории исследований памяти «*Marking the Mind: a History of Memory*» Курт Данцигер замечает, что современная психология совершенно безразлична к историческим исследованиям, в лучшем случае апеллирует к нейрофизиологическим основаниям памяти, но почти никогда – к культурным и социальным. Изобретение новых орудий, новых способов и стилей жизни является также изобретением и развитием новых навыков и специфических умений, и это значит, «что индивидуальная память также оказывается субъектом исторического изменения. Относительная краткость человеческой истории, возможно, не позволяет говорить о значительном филогенетическом изменении, но из этого не следует, что человеческая память действует сейчас точно так же, как 5 000 лет назад» [12, р. 4]. Историческое исследование, каким его видит Данцигер, должно быть внимательно к этим различиям в использовании памяти, но при этом не только воспроизводить порядок сменяющих друг друга теорий, но и понимать, как изменяются «мнемонические ценности», которые направляют применение памяти и задают ориентиры для рефлексии над ней: «под концептуальным изменением я подразумеваю изменение в предпосылках, скрытых метафорах, ценностях, неотрафелированных практиках, имплицитных полаганиях, которые определяют форму развернутых теоретических моделей и интерпретаций эмпирических наблюдений» [Ibidem, р. 16]. История «памяти» не конституируется наподобие линейной прогрессии, и «главная причина здесь состоит в том, что память появляется в огромном множестве теоретических и практических контекстов, и в зависимости от контекста совершенно различные аспекты памяти принимаются каждый раз во внимание. Нет никакого единичного объекта референции, в отношении которого сходились бы все дискуссии» [Ibidem, р. 15].

парадокс Менона о невозможности познания и тезис Протагора о невозможности лжи, получают свое разрешение в концепции припоминания («Менон», 80d-84a) [8] и в представлении памяти в виде записи, знаки которой могут быть ошибочно сопоставлены с новыми ощущениями («Теэтет», 191c-e) [9]. В первом случае суть парадокса состоит в том, что знание рождается из незнания, во втором – само знание оборачивается незнанием, причем в обоих случаях Платон не дает ответ, как логически возможен переход из одной противоположности в другую, вместо этого он отсылает к *действию памяти*, которая *практически* осуществляет такой переход, иначе говоря, Платон просто указывает на память как на неустранимую парадоксальность человеческого познания. В философии Платона определяется и магистральный способ истолкования парадокса памяти, сохраняющий свою значимость вплоть до философии длительности Бергсона [1, с. 162] и современных нейрофизиологических концепций и известный как проблема отношения *души и тела*.

Такому подходу можно противопоставить позицию феноменологии, полагающей, что внимание к данностям переживания позволяет обойти поспешные концептуализации, а значит и парадоксы, возникающие внутри концептуальных систем. Действительно, феноменологически не сложно описать работу памяти как определенный набор данностей протекания и смены чувственных впечатлений, их угасания и потери, удержания ушедшего в следе, возвращения в образе и пр. Достаточно полно это описание дано в анализе сознания времени Гуссерля [2], хотя выделенные им моменты по большей мере известны задолго до появления феноменологии. Стоит, однако, заметить, что речь идет о весьма своеобразных «данностях» *прошлого*, в отношении которых язык описания неизбежно оказывается двусмысленным: он указывает на то, что исключает возможность указания, что проступает на границе своего отсутствия, мерцая и уклоняясь от света настоящего. Язык такого описания существенно метафоричен, поскольку лишь метафора и позволяет «указать» на переход границы настоящего и перенос смысла, призванный соотнести описание с отсутствующим прошлым. Собственно, слова о «переносе», «переходе», «границе», «мерцании», «угасании», «стирании» или «возвращении» и «восстановлении» – не более чем метафоры, которые лучше или хуже пытаются описать процессы, определяемые как процессы памяти. Вот почему в истории мысли мы чаще находим не столько заботу о строгом описании, сколько поиск наиболее точной метафоры, начиная все с той же восковой дощечки Платона или сравнения воспоминаний со снами и вплоть до близких к нам по времени компьютерных и сетевых моделей¹.

Задача описания разнообразных форм и модусов памяти тем самым не снята², однако само описание не упраздняет парадокса, а всего лишь обходит его посредством метафоры, предоставляя опыту памяти осуществляться в качестве «естественного» парадокса в полном соответствии с платоновской стратегией. К тому же заключение в скобки оппозиции тела и души или присутствия и отсутствия не избавляет от иных вариаций парадокса памяти, традиционно вписанных в саму структуру философской мысли. Речь идет о проблеме непосредственности и опосредования, репрезентации и различия репрезентаций в образе и знаке, об отношении естественного и искусственного, временного и вне- (или сверх-, мета-) временного, наконец, об ускользающем от концептуализации различии единичного и всеобщего. Эти вопросы неизбежно встают перед философом, и часто именно они заставляют обращать внимание на память, которая в этом случае оказывается закатным другом философии, в равной мере неверным, концептуально не проясненным, но неизменно притягательным и неустранимым. Итак, подводя итог, можно сказать, что помимо эмпирического и экспериментального исследования памяти, характерного в большей мере для современной психологии и нейрофизиологии, возможен иной, апоретический, подход к памяти, которым определяется возможность философии памяти как исследования парадоксов, возникающих внутри языка философии вместе с любой попыткой установления строгих критериев истинности этого языка, будь то парменидовское рассуждение о бытии, декартовское обращение к ясности и отчетливости непосредственного сознания или же современная аналитика языковых практик, связанная с проблемой конвенциональности как проблемой, прежде всего, обучения и усвоения определенного языкового поведения.

Список литературы

1. Бергсон А. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. 327 с.
2. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. 192 с.
3. Декарт Р. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1994. Т. II. 591 с.
4. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1987. 480 с.
5. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. 686 с.
6. Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
7. Мальшук Е. Две метафоры памяти. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. 246 с.
8. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 1. 860 с.
9. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
10. Carruthers M. J. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture (Cambridge Studies in Medieval Literature). N. Y. – Melbourne: Cambridge University Press, 1990. 393 p.
11. Casey E. S. Remembering: a Phenomenological Study. 2nd edition. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000. 362 p.
12. Danziger K. Marking the Mind: a History of Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 305 p.
13. Draaisma D. Metaphors of Memory: A History of Ideas about the Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 241 p.
14. Rossi P. Logic and the Art of Memory. L. – N. Y.: Continuum International Publishing, 2006. 330 p.

¹ О метафорах памяти см. большое исследование [13].

² В качестве примера феноменологического исследования памяти, существенно дополнившего гуссерлевский анализ, достаточно будет указать на работу Эдварда Кейси [11].

MEMORY AS PARADOXICAL OBJECT OF PHILOSOPHY

Shevtsov Konstantin Pavlovich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University
shvkst@gmail.com

The article raises a problem of the possibility of the philosophical analysis of memory. Since the idea of the past as an object of recall does not meet the criteria of the austerity of philosophical research, memory can be understood precisely as a paradox of philosophical language defining both the limits of its application and the ability to save the internal austerity of its object field and research methods. The problem of memory in this sense should be put as a question about the significance of the past, about the importance of preserving the forgotten and the return of the lost.

Key words and phrases: memory; the past; loss; preservation; limits of the present; paradox; language of philosophy.

УДК 323.2

Политология

В статье рассматриваются варианты определения и классификации ресурсов Интернета. На материалах российской и американской практики анализируются их характер и особенности для информационного сопровождения государственной политики. Обоснован вывод о том, что применение новых информационно-коммуникационных средств содержит в себе новые политические возможности (демократизация, повышение эффективности политической системы и др.), так и угрозы (манипуляция общественным мнением, нарастание попыток западных правительств оказать влияние на внутреннюю политику других стран, милитаризация киберпространства и т.д.).

Ключевые слова и фразы: государственная политика; информационная политика; информационное сопровождение государственной политики; политическая коммуникация; ресурсы Интернета.

Ядрышников Евгений Викторович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
rsomeo1@mail.com

**РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТА И ИНФОРМАЦИОННОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ©**

Появление Интернета с его интерактивным потенциалом, технико-технологическими возможностями и разнообразными ресурсами изменило формат политической коммуникации, тем самым оказав значительное воздействие на информационное сопровождение государственной политики. Интернет сделал возможным обоснование нового политического режима – электронной демократии, а также формирование немыслимого ранее политико-коммуникационного института – электронного правительства. Поэтому необходимо исследовать ресурсы и возможности киберпространства для информационного сопровождения государственной политики.

Ресурсы Интернета как инструменты информационного сопровождения государственной политики определяются как совокупность политико-государственных порталов, сайтов и веб-служб в киберпространстве.

В политическом измерении ресурсы Интернета классифицируются следующим образом:

- электронное правительство как новейший политико-коммуникационный институт и супер-портал;
- официальные политические порталы – мета-сайты органов государственной власти, партий, движений и т.п., в которых объединяются наиболее широкий функционал и большой комплекс онлайн-сервисов;
- официальные политические сайты – сегменты киберпространства, располагающиеся на одном домене, содержащие совокупность различных данных и направленные на позиционирование государственных деятелей, органов государственной власти, политиков, политических программ;
- официальные политические страницы пользователей в социальных сетях;
- политические приложения – прикладное программное обеспечение, предназначенное для выполнения политико-государственных задач и рассчитанное на прямое взаимодействие с пользователем;
- веб-служба – программная система с идентификатором ресурса и стандартизированным интерфейсом, направленная на решение политико-государственных задач и включающая в себя блог-платформы, форумы и социальные сети со страницами пользователей.

Наиболее показателен опыт использования ресурсов Интернета в политике США. Так, наибольшее распространение в этой стране приобрел интернет-проект «Правительство 2.0» – «Gov 2.0», который нацелен как на подключение политиков и государственной бюрократии к порталам и социальным сетям, так и на расширение гражданского контроля над деятельностью структур власти. К примеру, на портале *www.gov2summit.com* и в социальных сетях *Twitter*, *Instagram*, *Linkedin*, *Facebook* каждый пользователь может наблюдать за работой американского правительства, а также направлять запросы по каналам обратной связи: телефону, электронной почте и т.д. Кроме того, на указанном портале осуществлена интеграция технологий *Web 2.0* с процедурами принятия политико-управленческих решений, что делает политический менеджмент более эффективным.